

ТЕОРІЯ БЕЗОБРАЗІЯ¹.

Въ отношеніяхъ нашихъ къ искусству происходитъ какая-то перемѣна. Вмѣсто прежняго розоваго взгляда на поэзію и художниковъ теперь смотрятъ на нихъ сухо и недовѣрчиво. На рельефность, типичность изображенія, энергію, энтузіазмъ слова мало обращаютъ вниманія. Безпощадная критика, строгій анализъ и осмысленіе фактовъ - вотъ что болѣе всего нужно для современнаго человѣка; стремленіе къ

¹ Съ удовольствіемъ печатаемъ эту статью (изъ губерніи), хотъ и не во всемъ согласны съ ея почтеннымъ авторомъ. Но не согласны мы, говоря относительно, только въ мелочахъ, напримѣръ въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ его о нашихъ современныхъ литераторахъ и проч.; но главная, основная идея его совершенно раздѣляется нами. Намъ особенно пріятно указать читателямъ на твердый, искренній и благородный тонъ этой статьи; такъ можетъ выражаться только твердое убѣжденіе и искреннее желаніе добра.

Статья эта до крайности наивна, - не можемъ этого не замѣтить. Принимать сколько нибудь за серьезное нѣкоторыя мнѣнія эксцентрическаго, хотъ и уважаемаго нами, талантливаго г. Писарева, и совершенно уже странныя мнѣнія г. Зайцева, - положительно невозможно. Никто не виноватъ, что эти господа не знаютъ азбуки во многомъ изъ того о чемъ они берутся судить... Но не смотря на эту странную наивность, или лучше сказать, можетъ быть черезъ эту-то именно наивность, - статья г. Соловьева намъ особенно симпатична. Слышенъ голосъ свѣжій, голосъ далекій отъ литературныхъ сплетенъ и отъ всей этой литературной каши. Это голосъ самого общества, голосъ тѣхъ всѣхъ, которые ужъ конечно имѣютъ право имѣть о насъ свое мнѣніе... Мы помѣщаемъ статью г. Соловьева почти безъ измѣненій и просимъ его сотрудничества.

Ред.

истинѣ, ненависть къ злу такъ въ немъ сильна, что ему какъ-бы некогда кланяться красотѣ.

Отнюдь не думая чтобы подобный радикализмъ литературы остался безъ пользы, мы все таки увѣрены, что онъ есть явленіе проходящее. Объясняется онъ очень просто. Толкаясь въ тѣснотѣ туда и сюда, человѣкъ невольно теряетъ спокойствіе и настраивается на исключительно отрицательный тонъ. Чѣмъ больше препятствій тѣмъ неизбежнѣе отрицатели и тѣмъ естественнѣе ихъ увлеченіе. Вслѣдствіе привычки или пожалуй необходимости отрицанія они доходятъ наконецъ до того, что нападаютъ и на самыя естественныя явленія жизни, считая ихъ какъ-бы помѣхой. Мы не осуждаемъ ихъ дѣятельность, мы не говоримъ, что въ сущности, въ главномъ мы съ нею согласны, а утверждаемъ, что половина этой дѣятельности пропадаетъ даромъ, направляется противъ того, что никакіе прогрессисты въ Европѣ не отвергаютъ. Уничтожать предрасудки,

уменьшать легковѣріе, бороться съ насиліемъ, лицемѣріемъ и невѣжествомъ - дѣло разумное; но возставать противъ поэзіи и искусства, отрицать все изящное, граціозное и свѣтлое въ жизни - это абсурдъ и непониманіе природы. Природа столько же разумна, сколько хороша. Красота и истина - два идола, которымъ люди будутъ вѣчно поклоняться. Отрицатели искусства думаютъ не такъ. Замѣтивши, что исключительная дѣятельность воображенія и односторонняя жизнь сердца деморализируетъ человѣка, они утверждаютъ, что воображеніемъ и сердцемъ совсѣмъ не нужно жить, что фантазія есть сонъ, а сердце глупость, поэтъ же нѣчто въ родѣ гороховаго шута. Чтобъ обвиненія наши не были голословны, мы приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ критическихъ статей г. Писарева, котораго въ этомъ отношеніи можно назвать самымъ даровитымъ представителемъ подобныхъ ученій. «Плохо приходится въ наше время поэтамъ - наступить со временемъ драматическая минута, когда послѣдній

поэтъ бросится на шею послѣднему эстетика и рыдая скажетъ: «другъ мы съ тобой одни... спрячемся и притворимся натуралистами»... Окончательный шагъ еще не сдѣланъ, искусство для нѣкоторыхъ читателей, а особенно для читательницъ все еще сохраняетъ кой какіе блѣдные лучи ложнаго ореола... Эстетикамъ и въ голову не приходитъ, что трагическое происшествіе почти всегда бываетъ также глупо какъ и комическое и что глупость можетъ составлять единственную пружину разнообразнѣйшихъ драматическихъ коллизій. Жестокость семейнаго деспотизма, фанатизмъ старой ханжи и несчастная любовь дѣвушки къ негодяю, кротость терпѣливой жертвы, порывы отчаянія, ревность, и т. д... вся эта пестрая смѣсь чувствъ, качествъ и поступковъ, все это различное проявленіе - неисчерпаемая глупость... Въ средніе вѣка глупости совершались чаще и были гораздо крупнѣе чѣмъ въ наше время, это ужъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; но средневѣковымъ людямъ и даже Шекспиру было

извинительно принимать большія
человѣческія глупости за великія явленія
природы, а намъ людямъ девятнадцатаго
столѣтія пора называть вещи ихъ
настоящими именами».

Изо всего этого выходитъ, что
человѣчество до сихъ поръ ошибалось,
живя не только мыслию, но и фантазією и
чувствомъ и что наша литература, или
только часть ея, есть исходная точка для
уничтоженія цѣлой половины человѣческой
дѣятельности - искусства. Что-то
невѣроятно. Фантазія и чувство все таки
существуютъ; они феномены психической
мозговой дѣятельности, какъ же не жить
ими? Жить исключительно воображеніемъ
конечно глупо; но жить только умомъ
значитъ совсѣмъ не жить. Умъ только
пролагаетъ дорогу къ нашей дѣятельности;
фантазія же даетъ содержаніе ей; умъ
открываетъ, фантазія изобрѣтаетъ. Самый
практическій и дѣятельный въ мірѣ народъ
имѣетъ въ то же время и самыхъ
геніальныхъ поэтовъ. Какъ скоро человѣкъ
даетъ исключительный перевѣсъ

мыслительной, анализирующей сторонѣ нашихъ способностей, производительная сторона его сейчасъ слабѣетъ. Еще Шекспиръ въ Гамлетѣ показалъ, что для того чтобы дѣйствовать не нужно слишкомъ много думать, и для насъ теперь понятно почему великіе и благородные характеры не всегда были великими мыслителями. Гёте своимъ Фаустомъ рѣшилъ другую сторону этого вопроса; онъ объяснилъ, что одного знанія не достаточно, что отъ знанія, хоть бы слишкомъ большого но исключительнаго, человѣкъ какъ-бы хромѣетъ для жизни. Тургеневскіе лишніе люди тоже черезъ чуръ умные и черезъ чуръ свѣдующіе люди. Послѣдняго изъ нихъ, Базарова, правда нельзя назвать лишнимъ, но нельзя его принять за положительно полезнаго человѣка. Онъ положителенъ только отрицательно, какъ прокладывающій дорогу; онъ самъ не знаетъ куда пойдеть. Базаровы тѣже лишніе люди съ немного только бѣльшимъ просторомъ передъ собой. Если-бы просторъ этотъ увеличился въ значительной

степени, - оказались бы ненужными и они. Разница все таки между настоящими лишними людьми и отрицателями огромная. Тѣ лишніе люди только тосковали, нося въ себѣ манфредовскую муку знанія; эти уже не горюють, а злятся, негодуютъ. Злоба ихъ зашла слишкомъ далеко, потому что обратилась и на такіе предметы, которые бы ихъ могли поддержать, а не помѣшать имъ.

Нападать на поэзію и искусство - дѣло въ высшей степени неблагодарное. Ни одного поэта, художника или музыканта не обратятъ въ учонаго, если у него нѣтъ способности къ наукѣ; искусство всегда останется для него первымъ дѣломъ. Думаютъ, что искусство вмѣстѣ съ паденіемъ мистическаго начала потеряетъ свою таинственную прелесть и потому должно пасть. Искусство напротивъ должно теперь расширить свою сферу. Когда средневѣковый мракъ разсѣялся люди опять возвратились къ натурализму грековъ. Что считалось порожденіемъ темной силы, снова было признано за естественныя явленія жизни. Афродитъ

прежнихъ, передъ которыми греки падали въ своихъ храмахъ, не явилось; за то явились другіе идолы, другіе идеалы, которые поэтическій геній открылъ въ человѣческой природѣ. Въ послѣднее время мы видимъ, что нѣкоторые поклонники науки опять какъ будто отворачиваются отъ природы, то есть отъ ея изящной стороны и вмѣсто средневѣковаго аскетизма жизни впадаютъ въ аскетизмъ мысли. Но природа, повторяемъ, столько же разумна сколько хороша. Самыя нравственныя чувства есть ничто иное какъ чувство эстетическое, примѣненное только къ дѣйствительной жизни. Если для человѣка есть всѣ выгоды солгать или обмануть и онъ все таки не лжотъ и не обманывается, то онъ руководствуется не какимъ нибудь умственнымъ выводомъ а тѣмъ, что лгать ему кажется гадко, противно. Тоже можно сказать и о бѣднякѣ, который находитъ случайно деньги и отдаетъ по принадлежности. Если онъ начнетъ думать и соображать, онъ ихъ ни за что не отдастъ. Въ «Современникѣ» былъ когда-то

разказанъ случай какъ во время пожара, угрожавшаго цѣлому городу, одинъ распорядитель партіи арестантовъ рѣшился отпустить для спасенія города преступниковъ, взявши съ нихъ слово воротиться по окончаніи дѣла. Арестанты дали слово, исполнили съ страшнымъ самопожертвованіемъ свое дѣло и всѣ до одного возвратились. Чѣмъ тутъ руководились и арестанты и распорядитель какъ не нравственнымъ чувствомъ, какъ не безконечнымъ уваженіемъ передъ достоинствомъ, красотою человѣческой природы?

Бокль смѣшиваетъ нравственное чувство съ религіознымъ, но это не вѣрно. Религіозное чувство вытекаетъ изъ отношеній человѣка къ высшему существу. Нравственное же чувство есть болѣе земное чувство и оно въ самой тѣсной связи съ природой, есть ощущеніе красоты въ ней и стремленіе осуществить красоту эту въ жизни. Много конечно совершается ошибокъ и преступленій изъ невѣденія или бѣдности, но еще болѣе дѣлается ихъ по

неразвитости и искаженію нравственнаго чувства. И самыя свѣдующіе и обезпеченные люди безобразничаютъ если у нихъ нѣтъ въ душѣ чувства красоты и благородства, или идеала, какъ высшаго собственнаго представленія этой красоты и благородства. Блаженъ тотъ, у кого есть идеаль! Нравоученія дѣйствительно мало принесли пользы, но, какъ прекрасно доказалъ Бокль, поэтическіе идеи и образы всегда были двигателями человѣчества. Шлоссерь не даромъ связалъ исторію литературы съ исторіею человѣчества.

И какъ бы человѣкъ ни хитрилъ, онъ не убьетъ въ себѣ стремленія къ наслажденію. Стремленіе это въ немъ совершенно равносильно стремленію къ истинѣ и желанію пользы. Онъ хочетъ для себя не только довольства но и счастія; чѣмъ легче, поверхностнѣй станетъ онъ смотрѣть на наслажденіе, тѣмъ оно будетъ ядовитѣе. Убить страсть - это аскетизмъ; оставить ее на произволь - безобразіе. Наука со страстью ничего не подѣлаетъ, не ея сфера. Она можетъ только ее удержатъ или

обуздать; такъ что челоуѣкъ все таки не гарантируется отъ внезапныхъ и иногда безобразныхъ вспышекъ страсти. Только поэзія можетъ регулировать страсть. Чѣмъ бы была напрімѣръ любовь, если бы отъ нея отнять ея поэтическую сторону и искать въ ней одной страсти и никогда чувства? Изъ нея выходила бы только проституція. Когда же это половое влеченіе отражается на всемъ челоуѣкѣ, идеализируется, то оно дѣлается самымъ нравственнымъ влеченіемъ. И въ этомъ идеализированіи нѣтъ ни капли лжи. Это истина; это естественно. Можетъ ли поэтому челоуѣкъ быть чистымъ и не безнравственнымъ въ любви, если онъ станетъ смотрѣть на все изящное, поэтическое свысока. Онъ сейчасъ отступить отъ природы, нарушить законъ ея; онъ даже и не узнаетъ, что такое наслажденіе и вмѣсто рая пожалуй попадетъ въ адъ. Ограниченны такіе люди и достойны сожалѣнія, а не уваженія; тутъ развратъ, а намъ представляютъ ихъ какъ разумныхъ людей. Развратный не разуменъ. Существованіе оргій, пьянства,

азартныхъ игръ и тому подобныхъ забавъ, губящихъ и очень умныхъ людей только и условливается тѣмъ, что люди не умѣютъ серьезно и правильно смотрѣть на наслажденіе. Всѣ эти забавы суть только плохіе замѣнительные суррогаты эстетическихъ удовольствій. Для необразованнаго они положительно незамѣнимы - ему какъ и всякому хочется быть не только сытымъ но и веселымъ; въ образованномъ же они показываютъ на недостатокъ эстетическаго развитія. Возставать по этому противъ эстетическихъ удовольствій это почти тоже, что защищать оргіи и игры; на послѣднія у насъ дѣйствительно смотрятъ съ какимъ-то непростительнымъ снисхожденіемъ. Давно ли «Русское Слово», теперь ратующее противъ эстетики, издавало Шахматный листокъ, гдѣ слово геній и талантъ примѣнялось къ какимъ нибудь фокусникамъ? Скажутъ что многіе поэты и художники были страшные сенсуалисты, но это опять крайность: они сдѣлались жертвами своего исключительнаго служенія

красотѣ. Ихъ и винить въ томъ нельзя. Гейне не былъ бы Гейне, а Байронъ Байрономъ, если бы страсть, подорвавши ихъ организмы, не положила основанія мрачному, разрушительному началу. На другихъ людей они дѣйствовали иначе и думаемъ что никого не развратили.

Отрицатели искусства обыкновенно не нападаютъ на него прямо, а говорятъ, что они не признаютъ только искусства для искусства. Но искусство для искусства тоже, что наука для науки, - два понятія почти немислимыхъ съ тѣхъ поръ какъ поэзія разсталась съ романтизмомъ, а наука съ метафизикой. Наше искусство менѣе всего можно упрекнуть, что оно живетъ для себя, потому что въ высшей степени реально. Оно имѣло много ложныхъ взглядовъ на жизнь, узко и криво смотрѣло на нее, но никогда отъ жизни не отрывалось. Быть можетъ наука не сдѣлалась столько практической у насъ сколько искусство реальнымъ. У насъ почти нѣтъ повѣсти, которая бы не составлялась на болѣе или менѣе подробномъ изученіи жизни; въ

иностранный же, особенно во французской литературѣ, еще сплошь да рядомъ пишутся романы безъ малѣйшаго признака наблюдательности, въ прежнемъ романтическомъ вкусѣ. Дюма и Феваль у насъ невозможны. Тѣ, которые нападаютъ на искусство для искусства не то хотятъ сказать, что думаютъ. Они желаютъ, чтобы искусство было не изображеніемъ а служанкой науки. По мнѣнію ихъ кажется не природа и жизнь, а наука должна вдохновлять поэтовъ. «Дарвинъ, Лайэль и подобные мыслители - вотъ философы, вотъ поэты, вотъ мыслители нашего времени» выражается г. Писаревъ. Дѣятельность ума только и признается и ставится надъ всѣмъ. Оно быть можетъ и хорошо бы было, если бы всѣ люди были мыслителями, да природа-то не такъ распорядилась; у ней нѣтъ такой умственной централизаціи. Философы на что смѣлы и тѣ не брались рѣшать которая способность выше, которая ниже; фізіологи и подавно. Всѣми своими способностями человѣкъ обыкновенно не дѣйствуетъ

заразъ, но можно также сказать и не бездѣйствуетъ ими безусловно. Разговоръ есть тоже своего рода трудъ особенно у тѣхъ, которые живутъ исключительно умственной жизнью. Отдыхъ извѣстной способности возможенъ тогда вполне, когда работаетъ другая. Кто работаетъ чувствомъ, тотъ отдыхаетъ умомъ и на оборотъ. Поэтому, какъ съ физиологической такъ и съ гигиенической точки зрѣнія необходимо чтобы человекъ не жилъ исключительно мыслию или исключительно воображеніемъ. Ученые, трудясь надъ наукой должны отдыхать на поэзіи; поэты на оборотъ. Да такъ и въ дѣйствительности: Самое завлекательное въ наукѣ для великаго учонаго - это ея поэзія. Самое поражающее и вдохновляющее поэта дѣло - это сокровенныя тайны природы, это наука о мірѣ. Въ наукѣ, въ настоящей наукѣ - бездна поэзіи. Все это слито химически. Все это умные люди давно понимаютъ вездѣ. Но понимаютъ только у насъ; не потому ли что у насъ до сихъ поръ еще не было настоящей науки?

Но что лучше всего доказывает самостоятельность сферы искусства, такъ это сама природа, которой оно есть прямое и естественное явленіе. Риттеръ, связавши исторію съ природой, Кетле, подчинившій жизнь цифрамъ и Бокль, открывшій въ ней историческіе законы все таки не отвергли своими изслѣдованіями историческаго прогреса и измѣняемости. Теорія Дарвина о происхожденіи видовъ какъ нельзя болѣе это подтверждаетъ. Организмъ, по его выраженію, есть величина непостоянная, вѣчно измѣняющаяся; незнаніе наше законовъ этой измѣняемости такъ глубоко, что ограничивается только указаніемъ на нѣсколько частныхъ способовъ, посредствомъ которыхъ измѣняются организмы. Борьба за существованіе и половой подборъ не законы, а только способы, которыми идетъ природа. Законовъ измѣняемости значить нѣтъ, да и едва ли можетъ быть; законъ и измѣняемость есть слова до нѣкоторой степени противоположныя. Сущность закона есть повторяемость явленій,

сущность измѣняемости не повторяемость, новизна. Открыть законъ - это значитъ открыть неизмѣнное въ природѣ; признать же измѣняемость въ ней значитъ утверждать что феномены природы, вслѣдствіе многосложности и столкновений не всегда сохраняютъ равновѣсіе, не изъяты отъ случая. Случай - эта фантазія природы, имѣетъ въ этомъ отношеніи роковое значеніе; въ силу его отъ самыхъ по видимому ничтожныхъ причинъ бывають великія послѣдствія, не только въ жизни но и въ природѣ. Все по видимому идетъ такъ и такъ по извѣстнымъ путямъ, а потомъ вдругъ и выдетъ какая нибудь диковина, въ родѣ напримѣръ того необыкновеннаго случая въ Петербургѣ, когда у одного субъекта сердце и селезенка оказались въ правой сторонѣ, а печень въ лѣвой. Статистическія цифры конечно довольно точно опредѣляютъ повторяемость явлений жизни, да не совсѣмъ; и эта-то малая разница и несходство въ числѣ случаевъ за извѣстные годы и есть причина, почему жизнь не всегда остается одной и той же, а

вѣчно движется впередъ. Возьмемъ еще примѣръ. Организмъ человѣческой состоитъ изъ множества элементовъ и силъ въ нихъ проявляющихся. Если бы элементы эти были въ вѣчномъ равновѣсїи, люди были бы похожи другъ на друга, какъ два кристала или двѣ капли воды; но мы не видимъ даже и двухъ фізіономїй одинаковыхъ, а тѣмъ болѣе двухъ характеровъ. Есть подобіе, но нѣтъ идентичности. Каждый индивидуумъ есть въ своемъ родѣ новостъ въ природѣ. Природа, можно сказать, по извѣстнымъ законамъ идетъ къ неизвѣстнымъ результатамъ. Жизнь въ тѣсномъ случаѣ болѣе всего представляетъ намъ этихъ неразрѣшимыхъ иксовъ, непредвидѣнныхъ случаевъ и безконечной измѣняемости и разнообразія формъ. Изслѣдовать эту измѣняемость и разнообразіе также невозможно, какъ описать и узнать причину почему листья на одномъ и томъ же деревѣ всѣ неодинаковы. Будь они одинаковы, впечатлѣніе на наши нервы было бы другое. А между тѣмъ изъ тысячи такихъ впечатлѣній и рефлексовъ, болѣе или менѣе

измѣняющихся и похожихъ другъ на друга, вырастаетъ жизнь. Наука въ этомъ хаосѣ ничего не можетъ объяснить кромѣ фізіологической сущности явленій. Группировать же и уловить эти явленія и опредѣлить ихъ жизненный смыслъ можетъ только искусство. Оно только даетъ намъ средство къ высшему уразумѣнію жизни. Художникъ или поэтъ, умѣющій схватывать типы или характеры, или вѣрно очерчивать разные кружки и слои общества, со всѣми волнующими ихъ идеями и интересами, оказываетъ такую же заслугу людямъ какъ учоный, дѣлающій открытіе. Призваніе художника не популяризировать науку, а объяснять жизнь.

Для отрицателей искусства мы всѣмъ этимъ конечно ничего не объяснимъ: искусство не только понимается, но и чувствуется; а кто лишонъ какого нибудь органа отъ природы или жизни - на того и пенять нельзя. Мы знали одного очень умнаго господина, отличавшагося совершеннымъ отсутствіемъ музыкальнаго слуха, который опредѣлялъ музыку такъ:

тили-ли, тили-ли, вотъ вамъ и музыка. Почти также смотрять нѣкоторые на поэзію. Объ этихъ господахъ можно сказать, что они не видали жизни. Всѣ теоріи противъ искусства вышли у насъ или изъ кабинета или изъ бурсы. Подъ гнѣтомъ самыхъ безобразныхъ условій росли благороднѣйшіе порывы; такъ же развились и первые неловкіе нападки на все изящное. Великое добро часто идетъ рука объ руку съ великимъ зломъ. Страданіе не только ожесточаетъ человѣка, но и убиваетъ въ немъ всякое чувство радости и красоты. Каждый человѣкъ впрочемъ похожъ въ извѣстномъ отношеніи на бурсака. Жизнь насъ столько же давитъ сколько и извращаетъ. Отсюда та суета и раздраженность, которую мы замѣчаемъ въ насъ самихъ. Образовалось мало по малу огромное число писателей, которые стали какъ-бы между наукой и искусствомъ. Отъ одного не отстали, къ другому не пристали. На основаніи извѣстнаго изрѣченія, что всѣ роды хороши кромѣ скучнаго, роды эти у насъ до того перемѣшались, что опредѣлить

часто нельзя: мыслитель это или поэтъ, публицистъ или критикъ, обличитель или юмористъ, фельетонистъ или свистунъ. Такая дѣятельность конечно необходима какъ необходима мелкая монета, безъ которой крупную трудно-бы было пустить въ ходъ; но это смѣшеніе дѣятельности имѣетъ также и вредъ. Она выдвигаетъ во первыхъ посредственность впередъ, а во вторыхъ отнимаетъ много силъ у науки и искусства. Отсюда - безчисленное множество повѣстей съ приклеенными къ нимъ въ видѣ мысли ярлыками; драмъ съ проповѣдями вмѣсто монологовъ и стихотвореній въ родѣ ломоносовскаго сочиненія о пользѣ стекла. И все это дѣлается большею частію во имя глупости общества, которое будто-бы требуетъ, чтобъ осмѣивалась въ риѳахъ всякая, пошлая дребедень. Въ послѣднее время эта безразличная дѣятельность дошла до того, что Гейне назвали свистуномъ (Зайцевъ) - какъ будто геніальныя сатиры и грубое шиканье одно и тоже. Бездарность дошла до такой смѣлости, что стала говорить

противъ таланта; всѣ ошибки поэтовъ приписываются не природѣ человѣка, а природѣ художника; но говорить противъ таланта тоже что обезоруживать себя. Если Бёрне и былъ болѣе твердъ въ убѣжденіяхъ на томъ будто бы основаніи, что онъ имѣлъ менѣе художественную натуру чѣмъ Гейне, все таки онъ не произвелъ и сотой доли того глубоко-нравственнаго впечатлѣнія, какое оставилъ по себѣ Гейне. Перо талантливаго человѣка иногда хватаетъ дальше чѣмъ онъ ожидаетъ; этому живой примѣръ Донъ-Кихоть Сервантеса. Г. Зайцевъ говоритъ, что онъ ни за какого художника не ручается, чтобъ онъ не украсть, изъ кармана платка; да вѣдь и за публициста пожалуй нельзя ручаться, и за учонаго также. Бэконъ - лучшій примѣръ. Всѣ люди съ великими достоинствами имѣли и великіе недостатки. Что намъ за дѣло что Бэконъ былъ подлець, Гёте - аристократишка, Шиллеръ - идеалистъ, Гейне - развратникъ, Гоголь и Руссо - ненавистники женщинъ и себялюбцы! Они своими недостатками вредили только себѣ,

а на насъ дѣйствовали своими достоинствами. Легко говорить г. Зайцеву противъ Гёте; а между тѣмъ этотъ поэтъ-язычникъ и ввелъ искусство въ міръ натурализма и вліяніе его до сихъ поръ еще отражается на всѣхъ литературахъ. Не забудемъ также, что его Баядерку индѣйскій богъ унесъ на небо, а его Ифигенія тоскуеть по дѣятельности, которая доступна мушнѣ.

Такой же точно аршинъ, какимъ мѣряются у насъ міровые геніи, прикладывается и къ нашимъ талантливымъ писателямъ. Критика точно за задачу себѣ положила - порицаніе всего талантливаго. Тургенева напр. поставили ниже Аскоченскаго - этого паразита русской литературы и до сихъ поръ не могутъ говорить о немъ равнодушно. Какъ художникъ, спеціально изучавшій нашъ образованный людъ, Тургеневъ не оставилъ кажется въ сторонѣ и литераторовъ; Базаровъ не столько похожъ на медика сколько на публициста. Кто желаетъ учиться, тотъ конечно долженъ читать

учебники и учонья сочиненія; кто же хочет знать какъ наука и образованіе входятъ въ нашу жизнь, тотъ пусть читаетъ Тургенева. Онъ конечно много способствовалъ нашему общественному самосознанію. Его жестокіе упреки въ безсиліи и неумѣнныи примѣнить къ дѣлу благородные порывы и разностороннія свѣдѣнія уже принесли свой плодъ: онъ не только окрестилъ нигилизмъ по имени, но и способствовалъ его происхожденію. Его выставка лишнихъ людей такъ сильно подѣйствовала, что Базаровыхъ можно считать почти дѣтьми, когда-то изображаемыхъ имъ героевъ. Не лучше поступали наши критики и съ Гончаровымъ. Изъ за какой нибудь выпускной куклы - Штольца не хотѣли видѣть великаго бюста Обломова. Талантъ не производилъ еще болѣе сильнаго оптического обмана. Тѣ, которые говорятъ, что Обломовъ не живое лицо, - не знаютъ жизни или знаютъ ее и изучали только въ суетѣ Невскаго проспекта. Вся провинція полна еще такихъ даровитыхъ и симпатичныхъ лѣнтяевъ, едва

начинающихъ пробуждаться. Нельзя болѣе кстати нарисовать эту эпопею русской лѣни какъ въ то время, когда мы ее только что стряхиваемъ съ себя. Если Гончаровъ оказался плохимъ моралистомъ, то это еще не бѣда. Читатели не дѣти, ихъ не совратишь какой нибудь одностороннею и не ясно высказанною мыслию. Да и что за ребячество искать во всемъ мысли, теоріи да нравоученія. Жизнь интереснѣй всякой теоріи, если она изображена вѣрно. Та же исторія, что съ Гончаровымъ повторилась у насъ и съ Писемскимъ за его послѣдній романъ. Упрекъ въ неискренности убѣжденій, хотя и преувеличенъ, въ сущности справедливъ. Какъ Гончаровъ возсталъ противъ апатіи, Тургеневъ противъ безсилія такъ и Писемскій противъ фальша. Дурно только, что онъ впалъ въ тотъ раздражительный и беспокойный тонъ, которымъ полна вся наша литература; и оттого вторая половина его романа имѣетъ чисто полемическій характеръ. Писемскій въ этомъ случаѣ походилъ на тѣхъ натуралистовъ, которые при

недостаточности фактовъ, при неполнотѣ наблюдений дѣлаютъ уже общіе выводы и на выводахъ этихъ преимущественно останавливаются. Если бы критики отнесли къ нему съ этой стороны, то нанесли бы ему болѣе чувствительный ударъ, чѣмъ теперь, когда они стали распространяться объ упадкѣ его таланта, объ ошибкахъ прежнихъ его сочинений, которыми сначала восхищались и о томъ, что Писемскій «не развитъ и не образованъ». Островскаго то же не пощадили за то, что онъ осмѣлился подмѣтить, по выраженію Добролюбова, свѣтлые лучи въ темномъ царствѣ. Среда изображаемая Островскимъ въ «Грозѣ», до такой степени грязна, говорятъ они, что въ ней не можетъ быть мѣста свѣтлому явленію. Естественно ли это? Темнота и свѣтъ, добро и зло - не разлучны. Говорить, что есть такіе характеры, которые не обнаруживаютъ никогда свѣтлыхъ сторонъ или утверждать, что существуетъ такая среда, которая бы не заключала ни одной хорошей личности, значитъ не знать

человѣческую природу. Какими бы оковами не была опутана жизнь, какими бы призраками не наполнена, она не можетъ сдѣлаться абсолютнымъ зломъ; это было-бы противъ природы. Гоголь, и тотъ наконецъ повѣрилъ, что есть свѣтлая сторона жизни, трудно только поддающаяся изображенію. Въ сочиненіяхъ Достоевскаго мы встрѣчаемъ еще болѣе вѣры въ человѣческую природу. И всѣ эти нападки на талантъ и даровитость обыкновенно дѣлаются у насъ на основаніи непризнанія авторитетовъ. Но непризнавать авторитетъ не значить только его опровергать. Это дѣло болѣе трудное - это почти тоже, что прокладывать новую дорогу. У насъ же непризнаніе авторитетовъ заключается въ свистѣ, шиканьи и брани. Расколъ какой-то произошолъ въ нашей литературѣ; самые энергическіе мыслители отдѣлились отъ самыхъ даровитыхъ художниковъ. Послѣдніе, что всего хуже, струсили...

Теперь наконецъ произошолъ разладъ и въ той партіи, гдѣ менѣе всего его можно было ожидать. Г. Писаревъ съ особенною

рѣзкостію напаль на Щедрина, называя его то поклонникомъ чистаго искусства, то человѣкомъ, пишуцимъ для своего удовольствія. На него, говоритъ онъ, опирается симпатія молодежи и потому нужно его уронить. Худо дѣлаетъ г. Писаревъ. Щедрина менѣе всего можно назвать пишуцимъ для своего удовольствія; онъ былъ первый писатель, создавшій дѣловую практическую литературу: всѣ сотни обличительныхъ статей, весь этотъ тщательный перечень злоупотребленій, всѣ «Искры», «Занозы» и «Свистки» - все это дѣти Щедринскихъ рассказовъ. Щедринъ какъ и всякій беллетристъ много говорилъ пустяковъ, но кто же ихъ не говоритъ: сколько ошибокъ въ выраженіяхъ, числахъ и фактахъ употребляютъ наши публицисты, распространяясь о фізіологіи, физикѣ, химіи, такъ какъ будто этихъ наукъ никто и не знаетъ. «Если бы Щедринъ писалъ не рассказы, а научныя и критическія статьи, то его безукоризненность скоро бы надоѣла; ему пришлось бы за неимѣніемъ своихъ оригинальныхъ идей

популяризировать чужія идеи, еще неизвѣстныя русской публикѣ, переводить, извлекать, компилировать, давать не мудрствованія а дѣйствительные факты». Что за странная замашка уговаривать идти по проложенной дорожкѣ. Переводить, компилировать, извлекать - экая диковинка! Около этого и безъ того вертится дѣятельность многихъ учоныхъ, которые проявляютъ свою учоность одними переводами. Самостоятельной дѣятельности а не переживанія до тошноты Бокля, Льюиса и Дарвина, - вотъ чего намъ нужно. Г. Писаревъ до того заговорился въ одной изъ своихъ статей, что родительская палка у него вышла родительской лаской. «И то и другое изъ рукъ вонъ худо, но родительская палка все таки лучше родительской ласки... Палка дѣйствительно развиваетъ до нѣкоторой степени умъ, замѣчаетъ г. Писаревъ глубокомысленно (и почему бы вы думали?), потому что она развиваетъ чувство самосохраненія, а самосохраненіе составляетъ первую основу человѣческаго прогресса». Вотъ вѣдь до

чего можно зарапортоваться, если держаться одной только грубой откровенности. Мы не заподозриваемъ въ прямогѣ убѣжденій, г. Писарева, но онъ легче чѣмъ кто впадаетъ въ парадоксъ, критическій лиризмъ, граничащій съ грубостію. Все нѣжное, мягкое, скольконибудь приличное, онъ до такой степени ненавидитъ, что даже и женскую грацію опредѣляетъ не иначе какъ соединеніемъ слабости, глупости и жеманства.

Въ концѣ одной изъ своихъ статей г. Писаревъ говоритъ: «Если читатель уловилъ существенныя черты дарвиновскихъ идей... то это уже на первый разъ черезъ чуръ достаточно. Объ одномъ только тебя и просятъ матушка, наша русская мысль, шевельнись ты хоть скольконибудь, почувствуй хоть твою собственную неудовлетворительность, узнай, что есть на свѣтѣ, во первыхъ интересныя вещи, а во вторыхъ умные люди, (кто же это?) которые умѣютъ надъ ними задумываться. Вотъ узнай только - умница будешь! А впрочемъ я тутъ еще не все сказалъ.

Будеть продолженіе и пребольшое». Точь въ точь съ малыми дѣтьми разговариваетъ, оканчивая урокъ.

Вообще въ послѣднее время грубость, рѣзкость и безцеремонность слова какъ-то особенно вошли въ моду. И такъ-ли всѣ эти качества нужны въ жизни какъ часто употребляются въ литературѣ? конечно нѣтъ. Нравы у насъ и безъ того грубы и полны насилія и деспотизма. Между грубостью, насиліемъ и деспотизмомъ нѣтъ рѣзкой разницы; это только переходы. Никто такъ легко не можетъ впасть въ деспотизмъ какъ человекъ, привыкшій къ грубости; Тургеневъ былъ правъ отчасти, говоря что всѣ наши прогрессисты деспоты. Съ грубостію конечно не разлученъ и цинизмъ, которымъ тоже щеголяетъ наша литература. Можно привести цѣлую талантливую личность, которая, мы думаемъ, сдѣлалась жертвою презрѣнія къ изящному. Мы говоримъ о Помяловскомъ. Талантъ его не росъ, а уменьшался послѣ его первыхъ произведеній. Очерки бурсы носили уже чисто обличительный характеръ

и отличались почти безпримѣрнымъ цинизмомъ. Отчехвостить, стилабонить, сдѣлать вселенскую смазь, бить по брюху зорю, мордобитіе, трехсаженныя салазки и тому подобныя выраженія мало кому понятны. Это слова скорѣй кописта чѣмъ художника. Подъ-конецъ безцеремонность въ немъ росла и въ послѣднихъ сочиненіяхъ встрѣчается наконецъ фраза съ новымъ словомъ: «сипондряція». Безобразное это слово такъ понравилось автору, что онъ его нѣсколько разъ повторяетъ. «И она, вспомнивши прежніе годы своей съ нимъ сипондряціи влѣпила ему препорядочную безешу». Мы нарочно обратили вниманіе на эти слова и фразы: ими выражалось паденіе очень замѣчательнаго таланта. Помяловскій, что называется измѣнилъ поэзіи. Описаніе его жизни подтверждаетъ это. Помяловскій, говорятъ жилъ и кутилъ съ лицами при разсказѣ о которыхъ ужасъ беретъ и отворачивался съ презрѣніемъ отъ эlegantнаго общества; но общество это, котораго и мы признаться знать не знаемъ,

не могло бы ему повредить такъ, какъ тѣ личности, которыя доводили его до сѣзжей и два раза заставляли впадать въ бѣлую горячку. Нельзя безъ глубокаго сочувствія читать разсказъ о его жизни, но нельзя въ тоже время не видѣть, въ немъ презрѣнія ко всему, что носило на себѣ хоть лоскъ красоты. Онъ, говорятъ, любилъ сперва театръ, имѣлъ природное влеченіе къ музыкѣ; не подави онъ всего этого въ себѣ и не живи онъ по чужой мѣркѣ, страстность его приняла бы другое направленіе. Одна трезвость ума и грубость привычекъ не въ силахъ были защитить его отъ страшной болѣзни. Отъ грязи, которая его загубила могла спасти его только красота: «въ тѣ дни, когда я любилъ, я не пилъ», говоритъ самъ Помяловскій. Разказываютъ, что онъ жилъ въ вертепѣ, искалъ тамъ приключеній, потому что не могъ освободиться отъ гнетущей его тоски. Плохое средство; простые люди и тѣ знаютъ что горе можно размыкать не однимъ виномъ но и пѣснею. Тяжолое испытаніе, которое Помяловскій вынесъ въ

школѣ, тянуло его къ оргіямъ и цинизму, талантъ въ другую сторону. Если бы онъ послушался самага себя, своего собственнаго призванія онъ бы не погибъ.

И замѣчательно, что между всѣми этими отрицаніями искусства и презрѣніемъ къ таланту, - съ деспотизмомъ мысли и съ цинизмомъ слова страшная послѣдовательность: одно какъ бы вытекало изъ другого. Люди, дѣйствовавшіе въ этомъ направленіи шли съ такой логической смѣлостью, что стали наконецъ писать повѣсти, не выходя изъ кабинета и не сознавая въ себѣ даже и признаковъ таланта. Мысль принялась разыгрывать роль чувства, догадка замѣнила собой наблюдательность. Главнѣйшимъ сочиненіемъ въ этомъ родѣ, мы рѣшаемся назвать романъ «Что дѣлать». Сочиненіе это было явнымъ, наглымъ нарушеніемъ правды и искусства. Учоный публицистъ брался за беллетристику; это почти тоже какъ если бы г. Щедринъ, послушавшись совѣта Писарева, взялся за науку. Въ этомъ лирическо-философскомъ романѣ,

гдѣ всѣ лица говорятъ почти однимъ языкомъ, а болѣе всего говоритъ самъ авторъ, мы видимъ, какъ нельзя ясно, что одной мыслию въ дѣлѣ жизни пробавляться нельзя, что такая односторонняя дѣятельность приводитъ только къ тому, что называютъ простолюдины: умъ за разумъ заходитъ. Жизнь въ этомъ сочиненіи отдана какъ бы на произволь мысли, на жертву теоріи; чувство, изъ котораго и сама мысль-то исходитъ, какъ будто не существуетъ для автора. Разберемъ для примѣра хоть его понятія о ревности. Умъ автора въ своемъ кабинетѣ не понялъ, что ревность отвергать нельзя и что она не можетъ быть чувствомъ фальшивымъ, такъ какъ она есть чувство естественное. Въ цѣляхъ, такъ сказать, самой природы, чтобъ люди ревновали. Ревность какъ и всякая страсть можетъ доводить до странныхъ ошибокъ, но когда ее совсѣмъ нѣтъ въ человѣкѣ, тогда еще хуже - страсть останется безъ границы. Отвергать ревность это почти тоже что выставлять себя неспособнымъ любить, не

только нравственно но и физически. Это уже нездорово. Это нравственность калѣкъ. Человѣкъ вполнѣ здоровый и любящій не может не ревновать, не оберегать предмета своей страсти. Женщина, говорятъ теперь повѣствователи-философы, не должна задумываться ни передъ чѣмъ въ дѣлѣ любви и смѣло, какъ мужчина бросаться на подвигъ наслажденія. Возможно-ли это? Не противно-ли это женской природѣ? Женщина всегда будетъ консервативнѣе въ любви; этого природа отъ нея требуетъ. Жизнь конечно нельзя подвести подъ извѣстныя рамки; въ извѣстныхъ случаяхъ онѣ всегда должны быть расторгаемы. Но повтореніе и разнообразіе въ въ любви все таки не сдѣлается идеаломъ. Это пѣшло. Любить въ жизни вполнѣ можно только одинъ разъ, говоритъ фізіологъ Сѣченовъ, вторичная страсть есть признакъ неудовлетворенности первой. Тѣ, которые говорятъ о смѣлости въ любви и о широкой свободѣ нравовъ мнѣ кажется бездѣтны; потому что кто хоть разъ въ жизни узнаетъ, что такое любовь къ своимъ дѣтямъ, тому

едва-ли придетъ охота влюбиться еще разъ, разумѣется если только онъ занятъ дѣломъ. Дѣти дѣлають людей какъ бы цѣломудреннѣй, а иногда примиряють и самыхъ несчастныхъ супруговъ. Вообще, о положеніи дѣтей у насъ никто не думаетъ; во всѣхъ романахъ съ современными цѣлями какъ-то обходятъ этотъ вопросъ; всѣ герои повѣстей почти всегда у насъ бездѣтны. Дѣти въ воспитательный домъ - не это-ли нравственность? Нормально не понимать любви къ дѣтямъ можно только до извѣстной поры; у насъ же непониманіе это, неразвитость, продолжается всю жизнь. И въ какой гармоніи это страшное равнодушіе къ дѣтямъ и циническія отношенія къ женщинамъ - съ тѣмъ неуваженіемъ къ эстетической изящной сторонѣ жизни, которая у насъ распространена! Ясно что одна наука не можетъ дать намъ всѣхъ принциповъ для жизни.

И съ какой быстротою возникаютъ и падаютъ всѣ эти убѣжденія. Не успѣли еще забыть о смерти Добролюбова, какъ ужъ

заговорили обь его отсталости, обь его неумѣньи отказаться оть эстетическихъ тенденцій. Этимъ только г. Писаревъ и объясняетъ почему Добролюбовъ восхищался грозою Островскаго. «Если бы Добролюбовъ былъ живъ... онъ посвятилъ бы лучшую часть своего таланта на популяризированиє естествознаній и антропологии». Что-то подозрительна эта горячка мѣняющихся симпатій, эта поспѣшность въ высказываніи убѣжденій. Самъ г. Писаревъ говоритъ уже не то, что говорилъ прежде. Если мы будемъ бранить то, что вчера хвалили и опровергать завтра то, что сегодня находили хорошимъ, то не далеко мы уйдемъ. Прогрессъ есть движеніе а не бѣготня. Это кажется, менѣ всего у насъ помнятъ, наши такъ называемые «передовые литературные дѣятели»...

Николай Соловьевъ.
